

ТЕНЕВОЙ ПОПУТЧИК

ЮДЖИН
КРЮ

18+

Юджин Крю
Теневой попутчик

«Автор»

2026

Крю Ю.

Теневой попутчик / Ю. Крю — «Автор», 2026

«Теневой попутчик» — история о том, как тьма становится привычным спутником. Маркус кажется образцовым жителем тихого уголка Вайоминга: скромный дом, ферма, дело, большая семья. Но за фасадом благополучия скрывается извращённая система власти, где дети — не наследники, а рабочая сила, а любовь подменена страхом. С каждым днём тень, идущая рядом с Маркусом, обретает всё более отчётливые очертания, и вот уже не он управляет своей тьмой, а она ведёт его по пути, откуда нет возврата. Эта история о том, как человек оправдывает зло, пока оно не начинает диктовать ему правила игры.

© Крю Ю., 2026

© Автор, 2026

Юджин Крю

Теневого попутчик

Глава 1:

Снаружи порядочная семья.

Место действия — штат Вайоминг. Небольшой дом грязно-серого цвета стоял на краю поля, будто сам старался держаться подальше от людей. Протёртые доски, облупившаяся краска, покосившееся крыльцо — всё говорило о запустении, хотя дом вовсе не был бедным. Соседи жили редко, знали друг друга в лицо, но дальше «привет» и «пока» общение не шло. Рядом паслись коровы и свиньи, бегали куры, создавая привычный фермерский шум, который здесь звучал как тишина.

Хоть у Маркуса и хватало денег, он не хотел переезжать. Дом построили его отец и дед, и Маркус будто нарочно хранил его в этом полуразрушенном виде — как напоминание о детстве, которое не отпускало.

Подвал, когда-то служивший убежищем для Марты, собаки Маркуса, теперь казался забытым уголком. На стене до сих пор висел старый ошейник — потёртый, с едва читаемой гравировкой. Маркус ни разу не снял его. Для него это была не память о тепле, а напоминание: доверие легко ломается, и лучше не позволять себе его испытывать.

Солнечные лучи пробивались сквозь тонкие занавески, и в комнате на мгновение становилось почти уютно. Тёплый запах старого дерева смешивался с запахом выпечки, а смех детей перекрывал бытовой шум. На первый взгляд Маркус и Мария выглядели идеальной семьёй. Их родной сын Чарли радовался новым братьям и сёстрам, которые заполнили дом шумом и суетой. Пару лет назад, после долгих неудачных попыток завести ещё детей, они решили усыновить сразу нескольких подростков. Теперь в доме жили восемь ребят — четыре мальчика и четыре девочки, всем по 15–17 лет. Они искренне верили, что впереди их ждёт новая жизнь. Никто из них не догадывался, что у этой «новой жизни» есть цена.

Мария двигалась по дому бесшумно, будто боялась нарушить хрупкое равновесие. Она всегда старалась незаметно положить в тарелку кого-нибудь из ребят лишний кусок, пока Маркус не видел. Однажды она поправила воротник на одном из мальчиков, чтобы скрыть синяк, и тут же опустила глаза, словно стыдясь самой себя. Её доброта не была силой — она была тихим протестом, который никто не замечал, даже она сама. Но Маркус замечал всё.

Маркус сидел во главе стола, спокойный и неподвижный, как камень. Для посторонних он был примером трудолюбия: у него было своё дело по переработке отходов и производству стройматериалов. Для семьи он был законом. Его воля не обсуждалась, а его «забота» измерялась в часах работы и количестве выполненных задач.

Сегодняшний ужин был как все остальные. Никто не начинал есть, пока Маркус не поднимет вилку. Чарли разливал воду, стараясь не звенеть стаканами. Один из подростков, Алексей, опустил глаза, чтобы не встретиться взглядом с Маркусом. В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как скрипит половица у двери.

— Ты опять смотришь в сторону, — тихо, почти спокойно произнёс Маркус, глядя на Алексея. Голос его не дрожал, в нём не было крика, и от этого становилось страшнее.

Алексей замер, пальцы побелели на краю стола.

— Простите, — прошептал он.

— Здесь не нужно прощение, — так же ровно ответил Маркус. — Здесь нужно внимание. Завтра ты пойдёшь со мной на сортировку. Покажешь, на что способен.

Никто не возразил. Никто даже не вздохнул.

После ужина Маркус вышел во двор, а следом за ним, как тень, скользнул Чарли. Он остановился рядом, не поднимая глаз.

— Пап, можно... можно я с ребятами помогу скотину покормить?

Маркус посмотрел на него так, будто пытался прочитать, что прячется за этими словами.

— Ты знаешь, что нужно делать в первую очередь, — сказал он, и в этом «знаешь» слышалось предупреждение.

Чарли кивнул, сжав кулаки так, что побелели костяшки. Он понимал: если послушаться, наказание будет не для него одного.

Когда Чарли вернулся в дом, он задержался на кухне. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в соседней комнате. Он быстро достал из шкафа кусок хлеба и завернул его в тряпицу. На секунду замер, прислушиваясь: не скрипнет ли половица, не раздастся ли тяжёлый шаг отца. Потом пробрался к комнате Алексея и тихо постучал условным стуком — два коротких, один длинный. Дверь приоткрылась на щёлочку.

— Держи, — прошептал Чарли, протягивая свёрток. — Это немного, но...

Алексей молча взял хлеб, и в этом молчании было больше благодарности, чем в любых словах.

— Не попадайся, — добавил Чарли и тут же отступил назад, будто сам испугался своей смелости.

Когда он вернулся к себе, руки всё ещё дрожали. Он знал: если отец узнает, наказание будет не только для него.

Постепенно подростки начали замечать, как устроена их новая жизнь. Работа была каждый день, без выходных и без оплаты. За это они получали еду — простую, скудную, такую, что даже бродячая собака могла бы смотреть на неё с сомнением. Сначала они думали, что это временно, что Маркус «закаляет характер». Потом поняли, что это и есть их норма.

В доме было восемь кроватей, но спали на семи. Восьмая стояла у стены, аккуратно заправленная, будто её берегли для кого-то, кто вот-вот вернётся. Чарли иногда смотрел на неё и думал, что не помнит, когда она стала пустой. Он помнил, что раньше на ней спал парень по имени Игорь, который всегда улыбался и говорил, что, когда-нибудь у него будет своя ферма. А потом он просто исчез. Отец сказал, что его отправили «на перевоспитание». Чарли не знал, что это значит. Но он знал одно: с тех пор никто не улыбался так, как Игорь.

А когда кто-то из ребят достигал совершеннолетия, он исчезал. Кто-то «уходил учиться», кого-то «отдавали на перевоспитание», многие просто пропадали без вести — так говорил Маркус. С ними никогда не прощались, и никто не спрашивал, куда они делись. Чарли верил отцу, потому что не знал, как можно не верить. Он жалел мать, боялся отца и не понимал, как вырваться из этой ловушки.

Утром всё начиналось одинаково. Маркус первым выходил во двор, смотрел на небо, будто сверял день с каким-то своим внутренним расписанием, и только после этого раздавал задания.

— Алексей, на сортировку.

— Лена, скотину.

— Чарли, проверь забор.

Никто не спрашивал «почему», никто не спорил. Даже если задание казалось несправедливым, возражать было нельзя.

Однажды Лена всё-таки тихо спросила: «А можно я сначала помогу с коровами? Там телёнок...»

Маркус не повысил голос. Он просто посмотрел на неё так, будто она сказала, что-то настолько нелепое, что даже не заслуживало ответа.

— Ты делаешь то, что я сказал, — произнёс он спокойно. — Остальное — не твоя забота. Лена опустила голову и пошла туда, куда велели. И больше вопросов не задавала.

Лес, начинавшийся сразу за полем, был для Маркуса особенным местом. Он уходил туда, когда хотел подумать, и возвращался с готовыми решениями. Лишь он знал, что лес умеет хранить секреты — и что каждый подросток, который переходил черту его терпимости, становился частью этих секретов.

Миссис Харрис, соседка через два поля, иногда заглядывала к ним с пирогом. Она всегда говорила: «Какая у вас большая семья, Маркус! Как здорово, что вы помогаете детям». И Маркус улыбался, принимал пирог, благодарил, и всё выглядело так, будто он действительно рад. Миссис Харрис никогда не оставалась дольше пяти минут. Что-то в этом доме заставляло её спешить обратно, к своему обычному, понятному миру. Она не знала, что за этими стенами время течёт иначе: каждый день расписан по минутам, каждое слово взвешено, а тишина может быть опаснее крика. Для неё это был просто дом на краю поля. Для тех, кто жил внутри, — граница, которую нельзя пересечь.

Вечером, когда все уже разошлись по комнатам, Маркус ненадолго задержался в своём кабинете. Он смотрел на фотографии, где все улыбались, и эти улыбки казались ему не воспоминаниями, а отчётами о проделанной работе. В груди привычно поднималась тяжесть, которую он привык называть ответственностью.

«Они не поймут по-хорошему, — думал он, глядя в темноту за окном. — Слабых нужно держать в узде, иначе они всё разрушат. Я делаю это ради них. Если они станут сильнее, значит, я всё делаю правильно».

Он сжал кулаки, будто пытаясь удержать эту мысль, не дать ей рассыпаться от одного-единственного сомнения. Потому что стоило ему допустить хоть каплю жалости, как перед глазами вставали его собственные детские годы: холодные углы, приказы, которые нельзя было оспорить, и тишина, в которой любой звук казался предательством.

«Я не такой, как он, — повторял он про себя, как заклинание. — Я даю им шанс. Я строю для них будущее».

Но в глубине души он знал: это не будущее. Это клетка, которую он называл домом.

Мир вокруг жил своей жизнью, ничего не подозревая. Никто не знал, что за стенами старого дома каждый вечер раздаются не благословения, а приказы. И что тишина в этом доме тяжелее крика.

Внутри комнат висели фотографии, на которых все улыбались. Но эти улыбки казались приклеенными: слишком ровные, слишком одинаковые. Чарли не помнил счастливых дней, о которых говорил отец. Он помнил только скрип половиц, тяжёлые взгляды и тишину, которая наступала, стоило Маркусу войти в комнату.

Теневой преемник

Маркус наблюдал за Чарли так, будто изучал не сына, а деталь сложного механизма: как тот держит инструмент, как смотрит по сторонам, как замирает при резком звуке. В этих мелочах для Маркуса скрывалась вся правда о человеке. И в Чарли он видел не мальчика, а заготовку, которую ещё можно было выточить под нужный размер.

— Чарли, — голос Маркуса прозвучал ровно, без нажима, но от этого становился только опаснее, — в нашем деле есть неписанные правила. Те, кто их не принимает, становятся балластом. А балласт... ты ведь знаешь, что с ним делают?

Чарли кивнул, хотя внутри всё сжалось. Он уже привык к этим полунамёкам, к ледяному спокойствию в голосе отца, от которого по спине бежали мурашки. Но в этот раз в словах Маркуса прозвучало что-то новое — окончательность, будто черта была уже проведена.

На стройплощадке пахло пылью и мокрым бетоном. Маркус провёл ладонью по свежей плите, стёр пыль с пальцев и посмотрел на сына так, будто проверял, насколько глубоко в него проникли эти уроки.

— Представь, каково это — держать чужую судьбу в своих руках, — произнёс он, сжимая в пальцах кусок арматуры так, что побелели костяшки. — Иногда, чтобы сохранить целое, приходится жертвовать частью. Семья, бизнес, власть — всё держится на таких решениях.

Эти слова въедались в сознание Чарли, словно кислота. Он чувствовал, как под гнётом отцовских ожиданий трескается его собственная воля. Маркус не торопился выкладывать карты на стол, но его молчание было красноречивее любых признаний. В нём сквозила угроза, холод и расчёт.

Однажды, стоя у окна и наблюдая, как его братья и сёстры смеются во дворе, Чарли вдруг ощутил тошнотворную пустоту. «А что, если, — пронеслось в голове, — один из них должен исчезнуть, чтобы остальные могли жить?» Мысль была чудовищной, но она не отталкивала — она оседала внутри, становясь привычной. Он начал невольно подмечать, кто из детей слишком громко спорит с Маркусом, кто смотрит на него с недоверием, кто уже почти вырос. Маркус учил его видеть слабости, и теперь Чарли видел их повсюду.

Вечером, когда дом затихал, Чарли лежал, уставившись в темноту, и пытался заглушить голос в голове. Он знал: отец не бросает слов на ветер. И чем яснее становилась эта мысль, тем тяжелее становилось дышать.

Наконец настал день, когда Маркус перестал играть в намёки. Он запер дверь кабинета, сел напротив Чарли и произнёс то, от чего у юноши похолодела кровь:

— Твоя миссия проста. Ты выберешь одного из приёмных детей и сделаешь то, что я попрошу. Если ты не сделаешь это, я сделаю это с твоей матерью.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец. Чарли хотел закричать, броситься прочь, но ноги будто приросли к полу. В глазах Маркуса не было ни гнева, ни страсти — только ледяное спокойствие человека, который давно всё решил. И Чарли понял: у него нет выбора. Любовь к матери, страх за её жизнь, годами вбиваемая в голову покорность — всё это сплелось в тугой узел, лишивший его воли. Он медленно кивнул. Этот кивок прозвучал в тишине как приговор.

Маркус не сказал, кого именно нужно выбрать. Он лишь холодно бросил:

— Реши сам.

В тот вечер его выбор пал на Дэниела. Дэниел был старшим из приёмных детей, почти совершеннолетним, и в последнее время всё чаще спорил с Маркусом, бросал ему в лицо горькие упрёки о несправедливости, о том, что они не рабы, а люди. Он был тем самым «избыточным элементом», о котором говорил отец. И именно поэтому Маркус смотрел на него с особой, ледяной внимательностью — будто уже вычеркнул из списка живых.

Чарли знал, что Дэниел любит заходить в гараж после ужина — проверить старый велосипед, который чинил уже третий месяц, будто цепляясь за эту мелочь, как за надежду на нормальную жизнь. И Чарли ждал. Стоял в тени, сливаясь с грудой хлама, и слушал, как снаружи затихают голоса, как щёлкает дверной засов, как по скрипучим половицам шаркают знакомые шаги.

Дверь распахнулась, впуская полоску жёлтого света из коридора. На пороге появился Дэниел — высокий, худой, с вечно спутанными волосами и упрямым взглядом, в котором всегда читался вызов. Он не заметил Чарли: его внимание было приковано к велосипеду. Он наклонился, что-то подкрутил, тихо выругался себе под нос. В этом обыденном, почти домашнем жесте было столько жизни, столько простого человеческого упрямства, что у Чарли на мгновение дрогнули руки.

«Он просто хочет починить велосипед, — пронеслось в голове. — Он не хочет воевать. Он просто хочет, чтобы всё было нормально».

Но следом за этой мыслью пришла другая — холодная, безжалостная, выученная наизусть из речей Маркуса: «Слабых не жалеют. Если ты не ударишь первым, ударят тебя».

Дэниел выпрямился, потянулся и только тогда заметил тень в углу.

— Чарли? Ты чего тут стоишь? — голос Дэниела прозвучал на удивление спокойно, будто он каждый день находил брата застывшим в темноте гаража. — Опять от отца прячешься? Знаешь, он не стоит того, чтобы из-за него...

Он не успел договорить. Чарли рванулся вперёд — не думая, не чувствуя, действуя на одном слепом импульсе, который гнал его вперёд, не давая остановиться. Инструмент взметнулся вверх и обрушился вниз с глухим, тошнотворным звуком, который Чарли потом слышал в кошмарах снова и снова.

Дэниел пошатнулся, его глаза расширились — не от боли, а от непонимания, от того самого детского «за что?», которое страшнее любого крика. Он поднял руку, будто хотел коснуться Чарли, сказать, что-то важное, последнее... и рухнул на бетонный пол, увлекая за собой полку с банками краски. Грохот эхом прокатился по гаражу, заглушая даже стук собственного сердца Чарли.

Тишина, наступившая после, была оглушающей. Чарли стоял над телом, не в силах пошевелиться. Инструмент выпал из онемевших пальцев и звякнул о пол — этот звук показался ему невероятно громким, будто объявлял всему миру о том, что он только что сделал.

Он опустился на колени, дрожащими руками коснулся плеча Дэниела, будто надеясь, что это какой-то кошмар, что сейчас брат моргнёт, улыбнётся и скажет: «Да шучу я, вставай». Но кожа была уже холодной, неестественно неподвижной, а в уголке рта темнела капля крови.

Слёзы хлынули внезапно, обжигая щёки, но Чарли даже не пытался их вытереть. Он смотрел на Дэниела и видел не жертву, не «миссию», а мальчика, который, когда-то научил его лазить по крышам, прятать конфеты от Маркуса и верить, что однажды они сбегут отсюда. И теперь этот мальчик лежал на грязном полу, а Чарли убил его собственными руками.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь. Чарли вздрогнул, словно очнувшись. Он резко огляделся, будто ожидая увидеть в дверях Маркуса с торжествующей улыбкой. Но гараж был пуст, если не считать неподвижного тела и него самого — человека, который только что пересёк черту, после которой возврата не будет.

Выбравшись наружу, Чарли замер под холодным ночным небом, жадно глотая воздух, который, казалось, стал гуще и тяжелее от одного только осознания содеянного. Где-то вдалеке лаяла собака, в доме горел тусклый свет, и жизнь шла своим чередом, не замечая, что в эту секунду мир Чарли рухнул.

А потом из темноты выступил силуэт. Маркус. Он не спешил подходить, стоял в нескольких шагах, скрестив руки на груди, и смотрел на сына так, будто видел не сломленного мальчишку, а своего преемника.

— Ты сделал это, — произнёс он спокойно, почти буднично. — Я знал, что ты сможешь.

Чарли хотел закричать на него, швырнуть в него всё, что накопилось внутри, — боль, ненависть, презрение. Но голос застрял в горле, превратившись в сдавленный хрип.

— Теперь ты понимаешь, — продолжил Маркус, делая шаг вперёд. — Власть — это не про силу. Власть — это про готовность платить самую высокую цену. И ты её заплатил.

Он протянул руку, будто собираясь положить её Чарли на плечо, но тот отшатнулся, словно от удара. В его глазах, наконец, вспыхнуло что-то новое — не страх, не покорность, а ледяная, горькая решимость.

— Я сделал то, что ты хотел, — прошептал Чарли, и его голос прозвучал твёрже, чем он сам ожидал. — Но это не значит, что я стану таким, как ты.

Маркус замер, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то похожее на удивление. Но он быстро спрятал это за привычной маской спокойствия.

— Посмотрим, — тихо произнёс он. — Время покажет.

И, развернувшись, пошёл прочь, оставив Чарли одного стоять под тёмным небом — с грузом, который теперь придётся нести до конца жизни.

Позже, когда в доме все разошлись по комнатам и повисла тяжёлая тишина, Маркус позвал Чарли в свой кабинет. Там, среди папок с документами и чертежей, на низком столике стоял поднос с двумя чашками крепкого кофе. Маркус жестом указал сыну на кресло, а сам остался стоять у окна, глядя на тёмный двор, будто выискивая в нём что-то важное.

— Садись, — голос Маркуса звучал непривычно мягко, почти доверительно. — Думаю, пришло время рассказать тебе кое-что о себе. О том, откуда берётся настоящая стойкость.

Чарли опустил в кресло, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Он знал: такие «доверительные» разговоры от отца ничего хорошего не сулят.

Маркус наконец отвернулся от окна и сел напротив, обхватив чашку обеими руками. Его взгляд стал отстранённым, будто он смотрел не на Чарли, а в собственное прошлое.

— Ты думаешь, я всегда был таким, — произнёс он тихо. — Что власть, контроль, умение принимать тяжёлые решения — это врождённое. Но нет. Я этому научился. В детстве у меня не было ничего. Ни денег, ни поддержки, ни даже нормальной еды. Мы жили в полуразрушенном доме на окраине, и каждый день был борьбой за выживание.

Он сделал глоток, словно пытаясь смыть с языка привкус старых воспоминаний.

— Я рано понял, что ждать помощи неоткуда. Поэтому начал сам готовить с раннего возраста — из того, что удавалось найти. Сначала это были очистки, остатки чужой еды, какие-то травы... Я выскребал всё до последней крошки, собирал объедки у ларьков, приносил домой и пытался превратить это хоть во что-то съедобное. Это было не приготовление пищи — это была борьба.

Маркус помолчал, и в этой паузе чувствовалось не раскаяние, а странная, болезненная гордость за собственную выносливость.

— Со временем я привык ко всему, — продолжил он. — Привык к запаху крови, к тому, как хрустит кость под ножом, к необходимости делать выбор между голодом и тем, что раньше казалось невыносимым. И однажды... однажды я задумался: зачем просто убивать, чтобы выжить? Почему бы не сделать это с пользой? Прокормить себя, семью, превратить необходимость в искусство.

Он наклонился вперёд, и его взгляд стал пронзительным, будто он пытался заглянуть Чарли прямо в душу.

— Именно тогда я впервые попробовал человека на вкус. Это не было импульсивным решением. Это был осознанный шаг. Я смотрел на мир и видел: слабые исчезают, сильные приспособляются. А я хотел быть сильным. Хотел не просто выживать, а диктовать условия. И эта философия стала основой всего, что я построил.

Чарли сидел неподвижно, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Он пытался не слушать, но слова Маркуса проникали внутрь, оседая, где-то глубоко, в самых тёмных уголках сознания.

— И теперь я кормлю свою семью, — спокойно закончил Маркус, откинувшись на спинку кресла. — Не просто даю им еду, а даю понимание: мы выживаем, потому что не боимся делать то, на что другие не способны. Мы выше морали, выше жалости. Мы — те, кто решает, кому жить, а кому нет.

Он помолчал, внимательно наблюдая за реакцией сына. В его глазах читался не вопрос, а проверка: выдержит ли Чарли эту правду, станет ли он настоящим наследником или сломается, как обычный человек.

— Ты должен понять это, Чарли, — наконец произнёс он твёрдо. — То, что я делаю, — это не жестокость. Это забота. Я готовлю тебя к миру, который не будет к тебе добр. И если ты хочешь выжить, если хочешь защитить тех, кто тебе дорог, ты должен быть готов ко всему. Даже к тому, что сейчас кажется тебе невыносимым.

Когда вечером все собрались за ужином, Маркус сиял. Он рассказывал детям, шутил, будто ничего не произошло, будто мир оставался прежним. На столе, как всегда, стояли изысканные блюда, и среди них — то самое, любимое Маркусом: печень в соусе белоотреззе, который он сам придумал, правда печень как оказалась, была не совсем животного происхождения. Чарли знал, из кого она была приготовлена. Он сам давно догадывался, заметив, как исчезают старшие приёмные дети, как меняется состав семьи, как каждый раз на ужин им приносят большие куски мяса, вкус которых не напоминал ни одно животное.

Маркус с удовлетворением наблюдал за тем, как остальные едят, не подозревая правды. Только Чарли знал эту тайну — и она разъедала его изнутри.

Он сидел напротив отца, и его взгляд был пустым, будто из него выкачали все чувства. Перед глазами стоял образ брата, который ещё вчера смеялся, а сегодня стал частью этого чудовищного ритуала. Маркус наслаждался ужином, смаковал каждый кусочек, не догадываясь, что в душе Чарли рождается не просто протест, а холодная, твёрдая решимость положить этому конец.

После ужина Чарли вышел во двор. Холодный воздух немного притуплял тошноту, но не мог заглушить голоса в голове. Рядом слышались шаги. Маркус.

— Что-то ты сегодня тихий, — произнёс отец, будто между ними не было ничего, кроме обычного семейного вечера. — Работа не идёт из головы? Или что-то другое?

— Ничего, — ответил Чарли, не глядя на него.

— Не лги мне, сын, — голос Маркуса стал мягче, но в этой мягкости пряталась угроза. — Я вижу, как тебя ломает. Это нормально. Первое решение всегда самое тяжёлое. Но именно оно делает из мальчика мужчину.

— Это не делает меня мужчиной, — тихо, но отчётливо произнёс Чарли. — Это делает меня монстром.

Маркус на секунду замер, будто услышал что-то неожиданное. Потом медленно кивнул, как будто услышал не возражение, а подтверждение своей правоты.

— Значит, ты начинаешь понимать, — сказал он. — Быть монстром — это привилегия. Это значит, что ты берёшь на себя то, что другие не могут. Ты платишь самую высокую цену, чтобы защитить тех, кого любишь. Разве это плохо?

— Это плохо, — прошептал Чарли. — Потому что ты заставляешь меня платить за твою правду.

Маркус прищурился, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение — холодное, расчётливое, но всё же уважение к тому, что сын нашёл в себе силы сказать это вслух.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Пусть будет так. Но помни: я даю тебе эту тяжесть не потому, что хочу сломать тебя. Я даю её, потому что верю: ты единственный, кто сможет её вынести.

Он положил руку на плечо Чарли. На этот раз Чарли не отшатнулся. Он просто стоял, позволяя этому прикосновению быть, и чувствовал, как внутри зреет что-то новое: не покорность и не страх, а холодная ясность. Он понял: чтобы остановить Маркуса, ему придётся играть по его правилам — хотя бы до тех пор, пока не появится шанс всё изменить.

Глава 3. Осколки детства

Маркус никогда не считал себя молчаливым — он просто знал: если заговоришь, отец Маркуса, которого звали Эдуард, услышит в твоём голосе слабость. А слабость отец не прощал. Единственным местом, где тишина не казалась приговором, была старая будка на краю двора. Там пахло землёй, соломой и шерстью Марты — и в этом запахе пряталось единственное, что Маркус мог назвать своим.

Марта была не просто собакой. Она была его первым и единственным союзником в мире, где любое проявление нежности считалось признаком уязвимости. Когда отец запирали Маркуса в комнате, он сбегал к будке. Когда еды не было, они делили то, что удавалось найти. Со временем Маркус и правда начал есть из её миски — не из протеста, а потому что так было проще. Не нужно было ждать, когда отец соизволит бросить ему кусок. Не нужно было смотреть в эти холодные глаза и пытаться угадать, в какой момент терпение Эдуарда лопнет.

— Ты становишься как животное, — бросил как-то Эдуард, наблюдая, как сын подбирает крошки с пола.

— Лучше быть животным, чем таким, как ты, — прошептал Маркус, но так тихо, что даже Марта едва услышала.

К четырнадцати годам Маркус уже понимал: отец не ищет в нём сына. Он ищет отражение собственной жестокости — того, кто сможет выдержать всё и не сломаться. Или сломаться так, чтобы это можно было назвать силой.

На день рождения Эдуард подарил ему нож-бабочку.

— Папа, а зачем мне этот нож? Я хотел акулу... обычную плюшевую акулу, как у всех, — сказал Маркус, держа в руках холодную сталь, которая казалась ему чуждой, неправильной.

Эдуард нахмурился, будто сын только что оскорбил не подарок, а саму идею отцовства.

— Ты что, мой мальчик? Нож — это инструмент! Это то, что делает мужчину мужчиной!

— Но я не хочу быть так рано мужчиной, я хочу играть!

— Играть? Ты должен понимать, что жизнь — это не игра! И если ты не научишься быть сильным, ты не выживешь!

Каждое слово падало, как удар. Маркус чувствовал, как страх сжимает грудь, превращая лёгкие в камень. Эдуард не стал ждать ответа — просто развернулся и ушёл, оставив дверь открытой, но это не было свободой. Это было испытанием: «Покажи, что ты можешь выдержать».

В тот вечер Маркус не вернулся в дом. Он прижался к тёплому боку Марты, зарылся пальцами в её шерсть, словно пытаясь спрятаться внутри неё. Здесь, среди старых досок и запаха земли, он чувствовал себя в безопасности. Даже если эта безопасность была иллюзией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.